

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 106(1463)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья «Экономический и политический протесты социологически разделены. Пока», опубликованная в «Независимой газете», № 243, 09 ноября 2017 года.

Вологда
ноябрь 2017

Экономический и политический протесты социологически разделены. Пока

Любое недовольство имеет в себе потенциал требования смены власти

По данным мониторинга Центра экономических и политических реформ (ЦЭПР), на протяжении 2017 года в России непрерывно возрастало количество протестных акций. В первом квартале их было 284, во втором – 378, а в третьем – уже 445.

Примечательно, что когда социологи (а это происходит регулярно) задают гражданам вопрос о их готовности участвовать в акциях протеста, то желание всегда демонстрирует лишь небольшая группа опрошенных. Например, в конце сентября соответствующее исследование провел Левада-Центр. Тогда выяснилось, что меньше четверти (от 21 до 24%) опрошенных в принципе считают возможными протесты в своих городах или других населенных пунктах, а участвовать в них и вовсе готовы от 11 до 14% граждан.

При этом и специалисты ЦЭПР, и социологи Левада-Центра проводят разграничение между социально-экономическими и политическими акциями. ЦЭПР выделяет в отдельную категорию трудовые протесты, вызванные проблемами на конкретных предприятиях. Нужно сказать, что это плавающая категория. Если речь идет о градообразующем предприятии, то очевидно, что трудовой протест становится общеэкономическим и социальным, а в перспективе и политическим.

Как вообще можно отделить социально-экономический протест от политического? Применительно к российским реалиям критерий кажется понятным. Когда протест носит социально-экономический характер, недовольные граждане обращаются к действующей власти. Они рассчитывают на то, что она услышит их требования и решит возникшие проблемы. Мандат региональной или федеральной элиты на управление – городом, областью, республикой или страной – не оспаривается, до нее просто доносится жалоба.

Иначе обстоит дело с политическим протестом. Его участники не просто говорят о

проблемах, но и утверждают, что способом решить их является смена власти. Как вариант, организатором или самым активным оратором на таких акциях становится политик, претендующий на власть в том или ином масштабе. Самым ярким примером в настоящий момент можно считать Алексея Навального. Его присутствие способно трансформировать любой митинг в политический.

Свобода собраний и участия в политической жизни гарантирована россиянам Конституцией. Однако на практике она, мягко говоря, ощущается слабо. Политический протест многими воспринимается почти как бунт, мятеж, литье воды на мельницу врагов России. Социально-экономический протест организовать проще, хотя и он тоже периодически позиционируется как «раскачивание лодки». Власть озабочена формой недовольства. Любой неконтролируемый выход людей на улицу воспринимается с тревогой, но сложно заставить граждан молчать, если им не выплачивают зарплату.

Между тем в развитых демократических системах нет нужды разграничивать экономический и политический протест. Любой протест имеет политический потенциал, и это нормально. Любое недовольство одновременно является и обращением к действующей власти, и предложением ее сменить, если она не справляется со своими задачами. Именно поэтому всякое протестное настроение, связано ли оно с низкими зарплатами медсестер, ограничением свободы в Интернете или нерасследованным убийством журналиста, немедленно подхватывает оппозиция.

Расшатывает ли это государство, его несущую конструкцию? Нет. Это усложняет жизнь правящей элите. Ставит ее перед угрозой политического поражения, перемены мест между властью и оппозицией. Однако в России, похоже, считается, что комфортное самощущение власти и государственная стабильность – одно и то же.